

Украина в обвале

Памятнику Александру II в Киеве (снесен толпой в 1920),
памятнику П. А. Столыпину в Киеве (снесен толпой в 1917),
и памятнику В. И. Ленину в Киеве (снесен толпой в 2014)
посвящается

Однажды в Киеве

Предпоследним солнечным днем августа 1911 года в Киеве в карете киевского губернатора на торжественное открытие памятника Александру II Освободителю следовал Петр Аркадьевич Столыпин — статс-секретарь, председатель Совета министров и министр внутренних дел Его Императорского Величества.

За те шесть лет, что Столыпин возглавлял правительство императора Николая II, он, что называется, энергично реформировал русскую государственность, ставя перед собой и остальными сформулированную им самим задачу — «обновить, просветить и возвеличить Родину, в противность тем людям, которые хотят ее распада»¹. И вот теперь, 30 августа 1911 года, университетский любимец Менделеева и дальний родственник Лермонтова, верный слуга империи Петр Аркадьевич Столыпин сопровождал государя по праздничному Киеву на торжественное — в честь пятидесятилетия отмены крепостного права — открытие памятника императору Александру II. Самого Столыпина современники по праву считали продолжателем реформы царя-Освободителя, при этом образованный класс ставил ему в заслугу усмирение революции — «где с бомбами врываются в поезда, под флагом революции грабят мирных жителей, там правительство обязано поддерживать порядок, не обращая внимания на крики о реакции», а многочисленное русское крестьянство — обретение долгожданной земли: «нет предела

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — член Совета Российского Исторического Общества, официальный представитель Русского Исторического Общества Заграницей в России.

Ключевые слова: Украина, история, национализм, национальное движение, русофобия, Россия, Германия, Австро-Венгрия, М. С. Грушевский, митрополит Андрей Шептицкий.

¹ **Столыпин П. А.** Нам нужна Великая Россия: полн. собр. речей в Государственной Думе и Государственном Совете. М., 1991. С. 108.

содействию и льготам, которые я готов предоставить крестьянству, чтобы вывести его на путь культурного развития»².

По сути дела, Столыпин деполитизировал русское крестьянство, отвратил его от соблазнов революции и встроил в стремительно развивающийся русский капитализм в качестве стабильного и надежного элемента. Русское крестьянство повсюду — и здесь, на юге империи особенно, — благодаря Столыпину строило новую, современную Россию.

По свидетельству современников, тогда, в августе 1911-го, Киев не скупился на выражение своей благодарности. Местное купечество в знак признательности от малороссийской житницы империи устроило торжественный прием на шесть тысяч человек. Не отставало от купечества и земство — с просьбой к Столыпину принять их в эти дни для выражения благодарности и почтения. За городом были организованы военные маневры, затем шло посещение Владимирского кадетского корпуса и снова прием делегаций — и снова, и снова (даже киевские скауты организовали свои выступления перед высокими гостями). Сам Петр Аркадьевич всегда ощущал некую сердечную привязанность к исторической малой Родине всех русских. В Киеве он произнес, как ему казалось, пророческие слова: «Отсюда начнется выздоровление всей России».

Другой персонаж в это самое время совсем не участвовал в киевских торжествах. Он вообще болезненно реагировал на всякое упоминание о празднике, к которому демонстративно старался не иметь никакого отношения. Царь? Освободитель?! Пятидесятилетие реформ?! Ему до этого не было дела. Рассчитывать на приглашение персонаж не мог — не обладал достаточным для этого положением в обществе. А кроме того, Михаил Сергеевич Грушевский вовсе не воспринимал Россию своей Отчиной.

Будучи замкнутым еще с детства, этот уроженец польского Холма (в тот период находившегося на территории Российской империи) всегда сторонился любого общества, а Россию называл *«чужеземной и чужезычной чужбиной»*³. Во время учебы в Киевском университете Михаил Сергеевич старательно отгораживался от любых научных дискуссий, не допуская какой-либо критики в свой адрес; *«эти изложения не много могли дать после того, что приносил с собой хорошо развитый и начитанный по какой-то специальности гимназист»* — вот как высоко он сам оценивал свои способности. По завершении обучения Грушевский поостерегся служить в российских университетах, где ему пришлось бы самоутверждаться наравне с коллегами, и избрал для себя менее научный, но зато более оплачиваемый путь — устроился преподавать в австро-венгерском Львове-Лемберге (там русских историков не было отродясь, и конкуренция Грушевскому не грозила).

Кровавую смуту 1905 года он воспринял как неожиданный шанс сделать карьеру (характерная черта всех «непризнанных гениев») — но запала его хватило лишь на то, чтобы всучить издателям в Киеве и других городах некоторые свои рукописи, что, однако, не принесло ему славы (интеллиген-

² Там же. С. 264, 21.

³ См. об этом подробнее: **Грушевский М. С.** Автобіографія. Київ, 1926.

ция вроде Булгаковых его исторические теории не жаловала, а киевский психолог Сикорский и вовсе высмеял). И Грушевский, не желая жить одной жизнью со своей страной, снова вернулся во Львов, где знали его истинную цену — цену отщепенца.

Пройдет всего несколько дней, и Столыпин будет застрелен. С почетом он будет похоронен в Лавре, а в центре Киева на средства общественности ему будет поставлен памятник. Пройдет еще несколько лет, и ревущей толпой киевлян памятник Столыпину будет снесен, а власть в городе захватит в свои руки австрийский профессор Грушевский. Так символично в Киеве будет обозначен конец времени русского процветания и начало времени украинских смут и разорений — поворотный пункт в судьбе южнорусского крестьянства.

Так закончится Малороссия Столыпина — и начнется Украина Грушевского.

Малороссия или Украина?

Что мы имеем в виду, употребляя наименования «Малороссия» и «Украина»? О разных ли предметах идет речь, или же эти понятия синонимичны? И если есть украинцы, то куда же подевались малороссы? И правомочно ли считать наименование «Малороссия» исконно российским, а «Украина» — столь же исконно украинским?

Русская история, как известно, учит нас тому, «откуда есть пошла Русская земля», а не откуда пошла «Украина», и начинается с Руси (древнерусского государства, закрепленного советской историографией в термине «Киевская Русь»), со временем рассыпавшейся на удельные русские княжества, которые в свою очередь были поглощены монголо-татарскими ордами на востоке и литовско-русским государством на западе.

С этого времени (XIV век), с легкой руки Византийского патриарха и императора, приднепровская Русь с центром в Киеве начинает именоваться Русью Малой, включающей в себя шесть епархий — галицкую, перемышльскую, владимири-волинскую, холмскую, луцкую и туровскую. Залесская Русь с центром в Москве становится Русью Великой, объединяющей остальные 19 епархий.

Заметим: «Украиной» разделенные земли официально в качестве государственного образования, страны никто упорно не называет, хотя слово это всем хорошо известно⁴. Постепенно остававшиеся под властью

⁴ Так, в Ипатьевской летописи говорится о походе в 1187 году русских князей к границе и об их отступлении: «На том бо пути разболелся Володимир Глебович болестью тяжкою, ею же скончался. О нем же украинна много постона»; та же летопись, описывая занятие русским князем польских городов, называет «украиной» уже польское пограничье: «еха с братом и прия Берестий, и Угровеск... и всю украину». А вот Первая Псковская летопись называет «украиной» границу уже псковской земли: «...и взяша с украинны неколико псковских сел» (1271 год). Именно в географическом значении границы и только в нем (и только со строчной буквы) слово «украина» употребляется и позже, как в Московском государстве (в частности, Василий III в 1517 году пишет: «Наш недруг Жигимонт, король польский, послал войско к украинному пригородку к Одочке, а наши воеводы новгородские... стояли в нашем украинном городе на Луках на Великих, оберегали наших украин»), так и в Речи Посполитой (польский король Стефан Баторий рассылал свои универсалы «всем... на украине русской... живущим»). См. об этом подробнее: **Стороженко А.** Малая Россия или Украина? // Малая Русь: сб. Київ, 1918. №1.

Польша земли Малой Руси стали именоваться Русью Белой (к западу от Смоленска), Русью Черной (по правому берегу Днепра), Русью Червонной (Галичина) и собственно Русью Малой с казацкой Сечью, а польского короля Казимира Великого стали называть «королем Ляхии и Малой Руси»⁵. Причем все эти земли — русские по вере и языку — поляки именовали «польской Украиной», придавая им значение не просто границы, а буфера⁶.

Интерес вызывает то обстоятельство, что во всех документах гетмана Б. Хмельницкого о переходе под власть Москвы слово «украина» даже не встречается, зато царь Алексей Михайлович подчеркнуто именуется «вся Великия и Малыя Руси самодержцем»⁷. И так далее — вплоть до 1917 года, то есть в том числе и во времена Столыпина и Грушевского, наименование Малороссия применялось к территории Волынской, Киевской, Подольской, Полтавской и Черниговской губерний.

А вот пример, что называется, из «другой оперы». Тарас Григорьевич Шевченко в своем Дневнике (1857 год) 17 раз использует слово «Малороссия» и производное «малороссийский» и только 4 раза (!) слово «Украина». И что характерно — он совсем не использует слово «украинский»! Та же ситуация повторяется и в его письмах к украинофилам: 17 раз используется «Украина» и 5 раз «Малороссия/малороссийский». Надо полагать, классик «украинского искусства» знал, что делал.

Примеры эти, среди прочего, позволяют сделать два весьма важных вывода, способных пролить свет на обозначенные выше вопросы. Во-первых, термины «Малороссия» и «Украина» были как минимум равноупотребимы вплоть до начала XX века. Во-вторых, оба они носили чисто географический характер. При этом термин «Малороссия» предполагал и этническое содержание — другими словами, позволял понять, о географической области проживания какого именно народа идет речь — русских.

«Конопиштское свидание»

Спустя три года после громкого убийства Столыпина в Киеве, в чешском замке Конопишты состоялось тайное совещание эрцгерцога Австро-Венгрии (наследника престола) Франца-Фердинанда с представителями его Ге-

⁵ См. **Русина О. В.** Україна під татарами і Литвою. Київ: Альтернативи, 1998. С. 274.

⁶ Подробнее об этом см. **Клименко Н.** Запорожская Сечь // Возрождение. 1968. № 109.

⁷ Окончательное воссоединение русских земель с Россией произвела императрица Екатерина II, приняв участие в разделе агонирующей Польши (тогда лишь древняя Червонная Русь отошла к Австрии). Уроженка «лоскутной» разрозненной Германии, Екатерина не с чужих слов понимала необходимость и значение национального единства, а в память о русском воссоединении приказала выбить медаль «Отторженное возвратив». Польская интеллигенция, испытывая природный страх перед Пруссией и Австрией, в состав которых вошли, собственно, польские земли, решила отыграть свои комплексы за счет России (не занявшей ни пяди исконной польской территории) — так, зависть к русскому успеху, подпитываемая страхом перед немецким порядком, произвела на свет утверждение Яна Потоцкого о том, что никакого русского воссоединения не могло быть, поскольку к России отошли земли не Малой и Белой Руси, а польской Украины. В наши дни эта позиция шляхетства предстает перед нами уже в виде обвинения в отторжении Сталиным восточной Польши в 1939 году. Воистину, еще ни Польша, ни ее обиды не сгинели!

нерального штаба и приглашенными, ни много ни мало, германским императором Вильгельмом II и адмиралом Тирпицем. У историков это событие получило наименование «конопиштского свидания».

Считая Россию своим потенциальным противником в будущей войне, высшее военное и политическое руководство Австро-Венгрии⁸ оценивало все перспективы ведения войны на территории Галиции (Червонной Руси). Опасения австрийского генштаба сводились главным образом к тому обстоятельству, что театром военных действий для австрийской армии станут примыкающие друг к другу территории проживания русинов (как называли русских в Австро-Венгрии) и малороссов (в России), представляющих собой один народ, проживающий по разные стороны российско-австрийской границы. И в случае реального военного столкновения симпатии местного населения Галиции могут оказаться на стороне братьев-славян из России.

Однако нас это мероприятие интересует исключительно в связи с некоторыми приглашенными, среди которых, например, присутствовал бывший австрийский офицер, член ордена иезуитов, предстоятель Греко-католической (униатской) церкви — митрополит Галицкий, архиепископ Львовский и епископ Каменец-Подольский Андрей Шептицкий. Он обратил внимание присутствующих на успехи своей деятельности во Львове по латинизации церкви униатов и изменению программы школьного обучения, проводимой с целью стереть в общественном сознании галичан убеждение в их русских корнях.

Там же присутствовал и другой «приглашенный» — Александр Гельфанд (он же Парвус), первый политехнолог XX века, человек, значение которого будет должным образом оценено многие годы спустя (именно Парвусу будет принадлежать идея использования большевиков для развала восточного фронта, именно он организует поездку В. И. Ульянова (Ленина) с компанией в plombированном вагоне).

Парвус выдвинул собственный поэтапный проект геополитической диверсии: быстрое занятие австрийскими войсками некоторой части территории России; провозглашение на занятой территории нового независимого государства «Украина» с границами до Смоленска и Кавказа; требование к России признать право на национальное самоопределение нового государства; отторжение его от Российской империи; выход из войны; воссоединение с Галицией и вхождение новой Украины в состав Австро-Венгрии⁹.

⁸ Впервые информация о предложении Парвуса была представлена в книге генерала Ю. Д. Романовского «Украинский сепаратизм и Германия», вышедшей в Токио в 1920 году и основанной на секретных материалах австрийского и германского генеральных штабов, раздобытых русской разведкой. Впоследствии материалы совещания были многократно и подробно представлены австрийской историографией.

⁹ Существует расхожее убеждение, что такой план первоначально был предложен «железным канцлером» Бисмарком. Действительно, зачастую приводится его знаменитая фраза: «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины» (см. **Ульянов Н., Морозов Е.** Украинский сепаратизм: идеологические истоки самостийности. М., 2004). В другом исполнении она звучит следующим образом: «Могущество России может быть подорвано только отделением от нее Украины... необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России, сравить две ⇒

При всей привлекательности этого плана для будущих агрессоров России его реализация требовала преодоления массы трудностей, которые могли и были обозначены присутствующими как невыполнимые. Главная претензия заключалась, собственно, в том, что для «Украины» потребуются раздобыть «украинцев», причем в достаточном количестве. По сути дела,

Не город, но именно деревня могла поверить в то, что является самостоятельной нацией и превратить устаревший на тот момент географический термин «Украина» в термин политический.

для последующего отторжения территории южной России сперва требуется организовать соответствующее нациестроительство, способное и готовое к сепаратизму. И этому нациестроительству

потребуется соответствующее идеологическое насыщение («свой язык, своя Вера, своя история»), на которое сможет опереться украинский сепаратизм, — притом насыщение достаточно убедительное с точки зрения истории, культуры и религии.

Для Парвуса же не было ничего невозможного. Будучи человеком искусственным в классовой борьбе, он делал ставку не на русскую буржуазию Юга России, не на интеллигенцию и не на пролетариат. Для революционного свращения ему не подходили просвещенные классы, но зато устраивало крестьянство — экономически развивающееся вне городской среды с ее

части единого народа и наблюдать, как брат будет убивать брата. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди национальной элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть все русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Все остальное — дело времени» (см. **Крючков Г.** Украина перед судьбоносным выбором. Харьков: Фолио, 2010). Или такой вариант (или перевод): «Для огромного тела Российской империи смертельна лишь одна операция — ампутация Украины» (см. **Шутов А.** Постсоветское пространство. М., 1999; см. также: **Шутов А.** Россия в жерновах истории. М., 2008). Какой же перевод более точный?

Отто фон Бисмарк в главе V своих мемуаров «Мысли и воспоминания», вышедших в СССР в 1940—1941 годах, рассказывая о немецкой политике времен Крымской войны, упоминает о некоей «Партии Еженедельника», возглавляемой Р. фон дер Гольцем и М. Бетманом-Гольвегом, которая, по его словам, «вела странную двойную игру. Я вспоминаю, какими обширными записками обменивались эти господа. Порой они знакомили с содержанием записок и меня, надеясь привлечь на свою сторону. В качестве цели, к которой надлежало стремиться Пруссии как передовому борцу Европы, там намечалось: расчленение России, отторжение ее остзейских губерний, которые, включая Петербург, должны были отойти к Пруссии и Швеции, отделение всей территории Польской республики в самых обширных ее пределах, раздробление остальной части на Великороссию и Малороссию, хотя и без того едва ли не большинство малороссов оказывалось в пределах максимально расширенной территории Польской республики... В то время как Гольц и его берлинские сподвижники довольно ловко обделывали свои дела... Бунзен, посланник в Лондоне, имел неосторожность послать в апреле 1854 г. министру Мантейфелю пространную записку, в которой выдвигались требования восстановления Польши, расширения Австрии вплоть до Крыма, возведения эрнестинской линии на саксонский королевский престол и т. п. и в которой рекомендовалось, чтобы Пруссия содействовала осуществлению этой программы. Одновременно Бунзен сообщил в Берлин, что английское ⇨

обязательными общественными, научными и культурными, русскими, учреждениями. Не город, но именно деревня могла поверить в то, что является самостоятельной нацией, и превратить устаревший на тот момент географический термин «Украина» в термин политический.

Залогом успеха своего украинского проекта он считал вступление австрийских войск на территорию России, а уж гарантировать идеологическое обеспечение для украинского сепаратизма он брался с готовностью, — пока есть такие католические священники, как Шептицкий, и такие австрийские профессора, как Грушевский. И зарубежные деньги на них.

Украинство¹⁰

Сегодня мы не можем точно установить, присутствовал ли Михаил Сергеевич Грушевский лично на том историческом совещании, — документов прямо указывающих на это, нет, а некоторые имеющиеся на этот счет мнения проверить затруднительно. Так что, будем считать, что не был. Однако можно с уверенностью утверждать, что он был посвящен во все дела своим покровителем Шептицким, которому весьма импонировало политическое направление всех полуисторических изысков Грушевского — зачищение от русских корней.

(Сам Шептицкий, как подрядчик в проекте Парвуса «Украина», брался обеспечить новое государство «своей Верой». Естественно — расколом. Он считал стратегически правильным сразу же после провозглашения нового государства добиваться проведения Церковного собора с выборами своего, «украинского», митрополита и учреждением его резиденции в Лавре; затем, после выхода Украины из состава России, он собирался добиваться выхода новой «украинской» церкви из лона Русской православной церкви Московского патриархата; и наконец, после вхождения Украины в состав Австро-Венгрии стремиться, по возможности, к объединению «украинской» православной церкви с униатской церковью в Галиции.)

правительство не возражает против присоединения приэльбских герцогств к Пруссии, если последняя примкнет к западным державам; в Лондоне же он дал понять, что прусское правительство согласно на это при условии означенной компенсации. Оба эти заявления были сделаны Бунзеном без всяких на то полномочий. Король, когда это дошло до него, нашел, при всей своей любви к Бунзену, что дело зашло уж слишком далеко, и через Мантейфеля приказал Бунзену уйти в долгосрочный отпуск, закончившийся отставкой».

И это все! В том смысле, что других схожих упоминаний мы не находим.

Помимо того, что Бисмарк, как выясняется, и не думал расчленять Россию (за что ему — большое историческое спасибо!), остается загадкой, что же послужило первоисточником, кто стоит за приведенными словами? И находим: «Бывший немецкий дипломат в Петербурге, железный канцлер кн. Бисмарк, наиболее удачно оценив украинский вопрос, высказал мысль о необходимости создания независимой Украины для удержания равновесия и мира в Европе. Отторжение Украины было бы тяжелой ампутацией для России» (см. **Добричев В.** В тени святого Юра. М., 1971), и дальше — ссылка на первоисточник, причем какой (!): **Рудович И.** Вступления митр. Андрія Шептицького на митр. престол у Львові. Львів: Богословія, 1926. С. 219.

Как говорится, «а ларчик просто открывался!» Злополучные для российской государственности слова принадлежат вовсе не князю Бисмарку, он их и не произносил. Их автор — урожденный граф Роман-Мария-Александр Шептицкий, униатский митрополит Андрей, со свойственной иезуитам ловкостью приписавший свои слова Бисмарку. Воистину, настоящий иезуит! И весьма символично для украинского движения.

¹⁰ Именно под этим термином Грушевский представлял свой проект. См., например: Украинство в России, его запросы и нужды. СПб., 1906.

За Грушевским, тоже подрядчиком в проекте Парвуса, было обеспечение нового государства «своей историей», — вот гдегодились результаты его двадцатилетнего (1894—1914) пребывания во Львове, во время которого ему удалось наполнить понятие «Украина» новым, околонуточным и полуйсторическим, содержанием. Профессор, отдадим ему должное, как и положено непризнанному гению, занимался этим вопросом задолго до Парвуса. И Грушевский не был столь наивен, чтобы не понимать, для какой аудитории он собирается создавать свою историю Украины.

Русским людям Одессы, Киева или Харькова бесполезно было бы доказывать, что они — не русские на том основании, что живут в области, именуемой «Украина». Бесполезно было бы доказывать нерусскость и выходцам с Малороссии, вроде Гоголя или Боровиковского. Ну в самом деле, мыслимо ли представить Николая Васильевича, переписывающего свои шедевры на «мову» только из-за своего провинциального происхождения?!

Нет, Грушевский целенаправленно работал на украинскую деревню, говорящую на своем диалекте («мове», языке?); и целью истории от Грушевского было убедить этих людей в их исключительности по сравнению с русскими. По сути дела, задачей Грушевского было превращение территории в страну, соответственно населения этой территории — в национальность, а историю этой национальности — в историю страны (см. ранее). Куда при этом было девать всех остальных — всех тех, кто не попадал под «украинство» (а это — врачи, военные, учителя, священники, купцы, коммерсанты и все остальные, по праву считающие себя потомственными русскими), для Грушевского было неважно. Рано или поздно они оказались бы посторонними в придуманном им государстве.

Опорой для исторического подлога, задуманного Михаилом Сергеевичем, были все те малообразованные говорящие на украинской мове крестьяне, из которых он должен был вырастить новую интеллигенцию для украинства¹¹.

Мова... Государственные власти и научная общественность высказывались резко против попыток замещения общерусского языка местным малороссийским наречием. Образованные люди южной России, воспитанные в равной мере на Гоголе и Пушкине — как на представителях одной общей, русской, культуры, с одним общим, русским, языком, не без оснований полагали, что «народ, уже имеющий выработанный богатый научный и образованный язык, без сомнения, не имеет никакой надобности создавать другой подобный же язык»¹². Один из образованнейших людей России

¹¹ Надо признать, что подобные попытки предпринимались и ранее. Так, пытаясь завербовать сторонников «украинной» идеи среди университетской молодежи, польские деятели даже создали в Киеве в 1848 году украинофильское Кирилло-Мефодиевского братство (Шевченко, Костомаров, Кулиш — всего менее 20 членов), а в подражание польскому гимну «Еще Польша не згинела» Павлом Чубинским был даже сочинен гимн «Ще не вмерла Украина». Но когда братство было запрещено правительством, общественность этого даже не заметила. Объявленные вскоре императором Александром II реформы вдохнули в русское общество больше свободы и значительно прибавили патриотических настроений. Бессилие и без того разрозненных украинофилов стало очевидным, и они ушли в «громады» — краеведческие общественные собрания, призванные стереть грань между городской и сельской культурами.

¹² См.: **Флоринский Т.** Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм. СПб., 1900.

Петр Струве высказывался о претензиях мовы весьма определенно: «Речь идет не просто о “преподавании в начальной школе на местном языке”, перед нами не более, не менее как огромный, поистине титанический замысел раздвоения или растроения русской культуры на всем ее протяжении... это значит еще, что “малорусская” и “белорусская” культуры будут нарочно создаваемы»¹³.

18 июля 1863 года министром внутренних дел России П. А. Валуевым был разослан циркуляр о том, чтобы «дозволялись в печати только произведения на малороссийском языке, принадлежащие к области изящной литературы, пропуском же книг на том языке религиозного содержания, учебных и вообще назначенных для первоначального чтения народа, приостановиться до решения настоящего вопроса»¹⁴. Решение это до сих пор подвергается критике в украинской историографии. Однако прислушаемся к мнению «украинофила» Костомарова: «...поднимать малорусский язык до уровня образованного литературного в высшем смысле, пригодного для всех отраслей знания и для описания человеческих обществ в высшем развитии — была мысль соблазнительная, но ее несостоятельность высказалась с первого взгляда»¹⁵. Смирившись с поражением, украинофилы перебрались в Галицию¹⁶. Туда, где в 1894 году кафедру всеобщей истории с акцентом на историю Восточной Европы во Львовском университете возглавил М. С. Грушевский, пробывший в этой должности последующие двадцать лет.

Обладая большим самолюбием и стремясь завоевать популярность «отца-основателя» «украинной» культуры, Грушевский одной из своих основных задач сделал по возможности научное обоснование новой «украинской мовы». В короткое время им был разработан словарь нового, «украинского», языка, в котором обычные русские слова приобрели статус иностранных, а иностранные — стали своими¹⁷. Австрийские власти были довольны. Деньги потекли к Грушевскому рекой.

Следующим направлением деятельности неутомимого профессора, как не трудно догадаться, была переделка русской истории в интересах укра-

¹³ *Цит. по: Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 286.

¹⁴ *См. Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. М.: СПб., 2000.

¹⁵ *Цит. по: Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. С. 286.

¹⁶ Галиция (древняя Червонная Русь) после раздела Польши оказалась в империи Габсбургов, которые поначалу не притесняли своих новых русских подданных (возможно, из опасения вызвать этим недовольство российских императоров): в 1848 году была даже открыта Головна Русска Рада — парламент галичан. Польская знать в Галиции, не смея соперничать с австрийским правлением, решила и там развить идею украинофильства: в 1868 году в Галиции появляется общество «Просвита», финансируемое поляками и распространяющее книги на так называемой украинной мове, а в 1876 году прибывшие из России русофобы с той же целью создают «Товарищество имени Шевченка». Однако ощутимых результатов эти усилия не приносили — население Галиции упорно сохраняло приверженность своим русским корням.

¹⁷ Например: впечатление — вражения (wrażenie), время — час (czas), убеждение — переконання (przekonanie) и т. д. Не останаливаясь на достигнутом, Грушевский изменил и правописание новой речи, сочинив вместо существующего русского — новое, весьма замысловатое фонетическое правописание, по выговору, с новоизобретенными знаками (например: «і» или «ѐ»).

инофильства. Взяв из истории факт существования польской территории «украина», он буквально опрокинул этот термин в прошлое, описал заново предшествующую русскую историю (причем — со времен Киевской Руси) этой территории как украинскую историю, а от нее — и как историю украинского народа.

В лучших традициях пропагандистской работы (можно сказать, поленински), для продвижения своих идей Михаил Сергеевич Грушевский перестроил по-новому работу разрозненных прежде украинофилов. Возглавив «Товарищество имени Шевченка», он реорганизовал его по принципу академии, установив за правило использовать в «Товариществе» исключительно украинский язык. Не останавливаясь в своем порыве изжить все русское, он даже разработал для украинского народа новый флаг с «желто-блукитными» полосами (по аналогии с бело-красными полосами польского флага)¹⁸ и герб в виде трезубца с киевских монет XIV века, а в немецком журнале «Ukrainische Rundschau» Грушевским была опубликована карта будущей Украины с границами от Карпат до Кавказа.

И тем не менее Грушевскому не удалось снискать поборников украинской теории на Родине — презрительно-настороженное отношение к нему образованного класса сохранялось¹⁹, а украинофилы оставались в Малороссии малочисленными подпольщиками, отгородившимися своим «щирым» мировоззрением от действительности. В самой Малороссии вместо виртуаль-

¹⁸ Предположение о том, что желто-голубой флаг был разработан гетманом Мазепой в сотрудничестве со шведскими коллегами, что могло бы объяснить сочетание именно этих цветов, в настоящее время никем не доказано, но и не опровергнуто.

¹⁹ Вот, например, что писал по поводу псевдонаучных теорий Грушевского известный киевский психолог Иван Сикорский (отец известного авиаконструктора Игоря Сикорского): «Этнографический термин “украинцы” за отсутствием самого объекта, т. е. этнографически особого народа, не имеет основания существовать, а обозначение территории именем “Украина” потеряло свою первоначальную административную надобность, а потому самый термин представляется бесполезным, подобно наименованию “Священной Римской империи” или “Московского государства”. Отчего тогда не ввести, как предлагает с полемической иронией Костомаров, терминов: ХОХОЛ, КАЦАП, ДЖОН БУЛЬ и т. п. Легко отошел в вечность термин “Москвитяне”, так же легко отойдет и термин “Украинцы”. Но мы имеем здесь в виду глубокую этническую оскорбительность навязывания населению имени. Население это — не растение и не вновь открытый остров, а сумма живых личностей, которые с X—XI вв. называют себя “Русь”, “Русичи”, “русские жены”, “русская земля”. Эти названия созданы самим народом. Эти возвышенные идеалы или нравственные интересы уже ясно и ярко существовали в X—XI вв. и нашли для себя художественное изображение в Слове о Полку Игореве. Неужели же этот высокий художественный памятник не обязателен для ученого историка? Ведь те герои, которые описаны в Слове, называли себя “русскими”, они пали на Каяле на реке “за русскую землю”, как удостоверяет автор Слова, современник, а, вероятно, и участник похода Игоря, который называет их “русичами”. И после этих торжественных свидетельств всей этнической русской земли русский ученый историк, вдохновленный закордонными течениями, уверяет нас в своих сочинениях, что события совершились не в русской земле, что Игорь и его воины и даже поэт-бытописатель событий были “украинцы”, что они пали не за русскую землю, как им показалось, а за Украину!.. Дальше нельзя идти в вольном переводе исторических документов с их подлинного языка на язык желаемых, но не существующих фактов! Проф. Грушевский хочет заменить для нас историю политическими течениями. Может быть, кому-нибудь очень необходимо, чтобы Россия в своем прошлом была Украиной, а русские украинцами, но только этого никогда не могло быть на самом деле» (www.xprom.com/ruskolan/avdeev/arp_russ_ykr.htm).

ного «угнетения украинцев» наблюдался невиданный рост промышленного производства. Реальными общерусскими усилиями русский капитализм в Малороссии набирал обороты.

И можно лишь догадываться, какое отчаяние испытывал Грушевский, сознавая историческую бесперспективность своих потуг, как он ухватился за предложение Парвуса поучаствовать в проекте «Украина». Оставалось лишь дождаться войны с Россией...

И вот — свершилось! 28 июня 1914 года эрцгерцог Франц-Фердинанд был застрелен в Сараево. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, 1 августа Германия объявила войну России, 3 августа — Франции, 4 августа Англия объявила войну Германии, 6 августа Австро-Венгрия объявила войну России, 12 августа Франция объявила войну Австро-Венгрии. Война, которую все украинофилы ждали с таким вожделием и возлагали все свои ущербные надежды, на которую они уже и не рассчитывали, — эта война началась!

Правда, что-то пошло не так. Русская армия взяла Львов, Галиция была занята. Разбитая австро-венгерская армия потеряла половину своего личного состава²⁰ и была отброшена за Карпаты. Профессор Грушевский, бросив кафедру, стремглав пытался бежать в Вену, но был схвачен и интернирован в Нижний Новгород. Митрополит Шептицкий был изобличен найденными в его кабинете документами, арестован и выслан. Что-то явно шло не так, как они планировали...

Сбылись и худшие опасения австрийского правительства — население Галиции действительно симпатизировало братьям-славянам русской армии. По воспоминаниям генерала Брусилова, «не только в Восточной Галиции, где большинство населения русины, к нам расположенные с давних пор, но и в Западной, где все население чисто польское, не только крестьяне, но и католическое духовенство относились к нам хорошо, и во многих случаях нам помогали всем, чем могли... Железные дороги, телеграфные и телефонные линии ни разу никем не разрушались, нападения даже на одиночных безоружных солдат наших ни разу не имели места»²¹.

Положение дунайской монархии становилось фатальным, фронт держался только за счет труднопреодолимых Карпат и поддержки германской армии. В Германии, как известно, дела обстояли не лучше: за первый год войны немецкая армия так и не смогла сокрушить Францию, за второй год не смогла разбить русскую армию, за третий — совсем истощила свои резервы, и вот на четвертый год войны на два фронта Германию ожидало совместное наступление англо-французских и русских войск. И вдруг для высшего руководства Германии и Австро-Венгрии отчаяние сменилось на надежду: накануне всеобщего весеннего наступления император России Николай II отрекся от престола. Впервые в русской истории монарх самоустранился от управления страной и ведения войны, впервые Российская империя осталась без царя. Фронт замер. Наступление откладывалось. Германское коман-

²⁰ См.: **Верховский Д. В.** Первая мировая война. М., 1954.

²¹ См.: **Брусилов А. А.** Мои воспоминания. М., 2001.

дование не преминуло воспользоваться волшебным шансом на спасение — моментально вспомнили проект Парвуса.

В Киеве — посреди общего рассеяния властей без власти — 7 апреля 1917 года молниеносно созван «Всеукраинский съезд». Тут же на съезде самоизбралась «Украинская Центральная Рада», власть которой, к большому сожалению для самостийников, не очень-то приветствовалась населением Киева, а уж за пределами города — и вовсе не признавалась. Невзирая на это, председатель Рады Грушевский, в точном соответствии с планом Парвуса, потребовал от Временного правительства России признания на территории девяти губерний (Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической без Крыма) автономной Украинской Республики (согласно германским интересам Грушевский работал только с территорией России и поэтому даже не упомянул о Галиции) с правом ведения собственной финансовой, военной, внешней и торговой политики. Самозванный пан председатель гордо заявил, что «украинской проблемы больше нет, есть свободный, великий украинский народ, который строит свою судьбу в новых условиях свободы»²².

Великий князь Александр Михайлович, отстраненный Временным правительством от командования военной авиацией и временно находившийся в Малороссии, так описывал события тех дней: «Кайзер Вильгельм часто дразнил своих русских кузенов на тему о сепаратистских стремлениях украинцев, но то, что казалось до революции невинной шуткой, в марте 1917 года приобретало размеры подлинной катастрофы. Лидеры украинского сепаратистского движения были приглашены в немецкий генеральный штаб, где им обещали полную независимость Украины, если им удастся разложить тыл русской армии... И вот миллионы прокламаций наводнили Киев...»²³ Вскоре украинские лидеры потребовали от Временного правительства отзыва всех уроженцев Малороссии из русской армии.

Захват власти — автограф украинства, первый раз поставленный в 1917 году. Каким образом это стало возможным? Почему ни гражданские, ни военные власти этому не препятствовали?! Ответ очень прост. Российская власть никогда не допустила бы никакой Рады или Совета — но только в том случае, если бы она оставалась властью. Отречение императора парализовало государственную власть, превратив ее в подобие обезглавленного тела. Другое дело — революционеры: все, что им требовалось для действий, — ощущение безнаказанности.

Что могло предпринять Временное правительство? Из очевидного: арестовать лидеров Центральной Рады за шпионаж; распустить Центральную Раду за узурпацию власти (ведь она была провозглашена без всяких выборов); наконец просто не реагировать на заявления самостийников (самозванное детище Грушевского не обладало ни властью, ни каким-либо авторитетом за городской чертой, а в случае объявления вне закона, кучка сепаратистов уже никак не смогла бы проскочить к своим германским покровителям через фронт десятиmillionной русской армии).

²² Цит. по: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 2000, с. 65.

²³ Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 278.

Как поступило Временное правительство? Удовлетворило просьбу киевской кучки украинофилов. Керенский даже освободил Шептицкого и вернул ему весь изъятый у него при обыске в 1914 году шпионский архив. По словам великого князя Александра Михайловича, сразу после того как «домогательства украинцев были удовлетворены... немецкий генеральный штаб стал снимать с Восточного фронта целые дивизии...»²⁴.

И понеслось! 25 октября большевики свергли власть Временного правительства в Петрограде. 29 октября совместными усилиями Центральной Рады и большевиков разогнаны все учреждения Временного правительства в Киеве. 20 ноября 1917 года в Киеве провозглашена Украинская Народная Республика. На Софийской площади Киева Грушевский принял военный парад. 22 января 1918 года Центральная Рада во главе с Грушевским провозглашает независимость государства «Украина» и подписывает свой Брестский мир с Центральными державами в расчете на их признание, что и происходит вместе с оккупацией.

В перерыве между этими событиями революционно настроенная толпа снесла в Киеве памятник Столыпину.

Так появилась Украина

Возможно, читателя несколько утомило перечисление исторических фактов, событий и персонажей, приведенное выше. Однако нашей единственной целью был поиск героического начала в истории Украины. Того самого начала, которое воплотилось в конкретном человеке, или группе лиц, или же городе, может быть, в самом народе, который «в борьбе обретает право свое»²⁵. Такого начала, которое было в основе борьбы за независимость американских колоний, или в движении Гарибальди, а может быть — в польском сопротивлении на протяжении XIX века.

Увы! Ничтожества, в мирное время никак не проявлявшие себя ни в государственном строительстве, ни в национальном освободительном движении, а лишь выжидающие, когда государственная власть империи даст слабину, — это не герои. Маргиналы, рассчитывающие в своей деятельности на враждебные действия другого государства против своей Родины, — это не герои. Неучи, недовольные тем, что не соответствуют истории своей страны и мечтающие ее переписать под себя, — это не герои.

Государство под наименованием «Украина» было провозглашено не героями и не в итоге народного волеизъявления, а в результате политических интриг, вранья и предательства. Украина как государство — типичный продукт эпохи модерна, такой же, как образованные в то же время Югославия и Чехословакия, да и Советский Союз. С одной поправкой — только у Укра-

²⁴ Там же. С. 279.

²⁵ Здесь было бы уместно вспомнить пример казачества, героически восставшего против польской шляхты. Но вот ведь в чем проблема: казаки-то себя украинцами не считали и не боролись ни за какую Украину. Как и положено русским, боролись они — за Веру.

ины не было своей истории, не говоря уже о дворянстве, аристократии и монархе.

Вскоре после провозглашения Украины как государства начнется украинское движение за независимость (все наоборот!), и деревенское украинство, взлелеянное Грушевским, воплотится в пещерном украинском деревенском национализме Петлюры и Бандеры, сметающем на своем пути все остальные классы и сословия, но в первую очередь — русских.

Впереди у Украины — формирование большевиками зеркального модернового проекта, но уже — интернационально-пролетарского по своей сути, и потому — еще более эфемерного, чем проект деревенский, и абсолютно ненационального. Впереди — ускоренное формирование нации, украинизация, создание мини-империи в составе СССР, возвышение Грушевского, милость Ленина и соборная благодать от Сталина. Впереди — логическое развитие тех начал, которые были заложены в Украину при ее создании.

На момент написания этой статьи ни автору, ни читателям еще не известно, просуществует ли Украина как государство до своего столетия. Но мы можем попытаться представить себе, что ждет и Украину, и всех нас в ближайшей перспективе. Но в чем-то мы все же можем быть уверены. ◆

(Окончание следует)